

1

Нью-Йорк, год назад

Я стою в очереди к Санта-Клаусу. Мне тридцать семь — и я стою в очереди к Санта-Клаусу. Что тут скажешь? В какой-то момент мне вдруг взбрело в голову, что это отличная идея.

Но с тех пор прошел уже час. И теперь мне кажется, что я фатально ошиблась. Прогулка обещала быть волшебной — и поначалу мои ожидания сбывались. Санта принимает гостей в офигенном снежном дворце. А рядом чего только нет: и белые медведи, и паровозик, и даже мастерская эльфов. Украшения сверкают, играет праздничная музыка, в руках у меня — личный паспорт, на который ставит штампики пугающе радостный персонал, пока я продвигаюсь к цели.

Когда я зашла сюда, мои глаза были полны восторга, а сердце — надежды. Я была готова к рождественскому чуду. А теперь мне жарко, неловко, и все вокруг на меня пялятся. Даже эльфы и те смотрят косо. Умом понимаю, что это мне, скорее всего, мерещится, но никак не могу отделаться от чувства, что за мной пристально наблюдают. Я бы не удивилась, если бы, опустив глаза,

обнаружила на груди красную точку снайперского прицела. Быстро проверяю свою догадку — так, на всякий случай. Точки нет. Уже хорошо.

Наверное, мой мозг просто решил немного развлечься. Он у меня тот еще проказник. Имя Локи ему бы подошло идеально. Хотя в чем-то он прав: взрослая тетка — странноватый гость для такого местечка. Или нет? Смотрю по сторонам — ну да, других таких чудачек тут нет. Кругом сплошь семьи с детьми. И это, казалось бы, тоже волшебное — что может быть милее ребенка, который с замиранием сердца ждет встречи с Сантой? Разве что щенок лабрадора, которому тоже не терпится поскорее увидеться с дедом в красном костюме, — но не уверена, что сюда пускают собак. Они ведь могут описать фигурки оленей.

У детей есть интересная особенность: они редко ведут себя как полагается и мгновенно доходят до точки кипения. Где-то неподалеку, в глубине очереди, рыдает чей-то малыш — так громко, что заглушает рождественские гимны, — и этот звук ну никак не вяжется с образом младенца Иисуса, мирно дремлющего в яслях. Если только не представить, что его донимают болючие колики. У меня за спиной измученная женщина пытается объяснить своему старшему сыну, почему «настоящий» Санта живет именно в «Мейсис». Ребенок явно настроен скептически. Другая мамаша с силой тащит свою перепуганную дочурку вперед, следом за очередью. Девочке года четыре, она ревет в три ручья. Милая, как я тебя

понимаю. Святой дедушка Ник может порой напугать не на шутку. Меня захлестывает волна сопереживания всем этим родителям — и еще одно очень знакомое чувство. Тоска.

Детей у меня нет. Мне здесь не место. Какого черта я вообще сюда приперлась?

Поздно думать, говорю я себе, когда мы наконец подходим к гроту. Всё. Я уже здесь. Честно отстояла очередь, отстрелялась от снайперов и пережила террористическую атаку на барабанные перепонки. Я заслужила награду. Заслужила шанс на душевную беседу с толстяком в красном костюме. Меня встречает молодой человек — такой счастливый, что того и гляди взорвется — просто граната на ножках, начиненная радостью, не иначе. Рядом с ним я вдруг чувствую себя беспросветной идиоткой.

— Вы сегодня одна? — весело спрашивает он, как будто это лучшее, что может случиться на этом свете.

Я киваю и пытаюсь улыбнуться.

— Ну да. Это странно? Честно скажите, странно ведь?

Он качает головой с видом человека, оскорбленного в лучших чувствах.

— Ну что вы! Нисколько! — заверяет он. Ага, конечно. У тебя просто работа такая — не можешь ответить иначе.

Нервно смотрю на Санту. Он восседает на своем троне — и выглядит безупречно: какой костюм, какая борода, а волосы! В глазах горят озорные искорки. Подхожу ближе. Понятия не имею, что делать дальше.

Садиться к нему на колени? Не уверена, что даже дети так делают, а тут целая взрослая тетка. Я ему ногу отдалю. Может, даже смертельно. Женщина, Убившая Рождество — как вам такое? Санта хлопает по сиденью рядом с собой, и я с облегчением выдыхаю: хоть кто-то дает понятные инструкции.

— Ну здравствуйте и с Рождеством! — произносит он ожидаемо радостным и успокаивающим голосом. Интересно, их специально этому обучают? Или это и правда настоящий Санта? — Как у вас дела? Рады празднику?

Тон у него слишком добрый. Слишком отеческий. Я сжимаю сумочку, лежащую у меня на коленях, и чувствую, как глаза вдруг наполняются слезами. Нет. Боже, только этого не хватало. Разрыдаться в гроте Санты! Крепко зажмуриваюсь, прикусываю губу, мотаю головой. Когда открываю глаза, вижу на лице у дедули смесь тревоги и ужаса. Его можно понять. Дети, которые режут от испуга, — это одно. А вот рыдающие женщины — совсем другая история. Большинство мужчин их не выдерживают. Даже Санта. Впрочем, надо отдать ему должное: он быстро приходит в себя и похлопывает меня по плечу рукой в мягкой белой варежке.

— Ну будет, будет. Я вас так понимаю. Конец года всегда тяжелый, дел вечно невпроворот, даже выдохнуть некогда.

Я киваю и с трудом изображаю улыбку.

— Особенно вам, мистер Клаус.

— Что верно, то верно! Но у меня много помощников — эльфы, миссис Клаус и, конечно, мои олени! Так расскажите же — чего вы хотите на Рождество?

Санта поправляет пояс, тот тихонько позвякивает. Приятный звук. На мгновение он заставляет меня забыть о реальности. Забыть, что я одинока. Что живу в городе, который всегда казался мне чужим. Что ощущаю себя никчемной, никому не нужной вещью. Я забываю обо всем, кроме этого чистого, простого звука, и разрешаю себе поверить в лучшее. Хотя бы на секунду.

— Хочу быть рядом с людьми, которых люблю, — говорю я. — И чтобы эта любовь была взаимной.

Он удивленно вскидывает брови. Я добавляю:

— И еще щенка. И, возможно, новый телефон — я уронила свой в «Уолмарте», и теперь весь экран в трещинах.

Санта задумчиво кивает.

— Достойный список, — говорит он серьезно. — Особенно первый пункт. Ведь быть рядом с теми, кого любишь, — это и есть самое настоящее волшебство. Уверен, вы вели себя хорошо и заслуживаете немного счастья. А пока — сфотографируемся?

Я киваю. Далее следует просьба сказать «сы-ы-ыр». Затем все повторяется, но уже с моим телефоном, а потом Санта меня обнимает. Какое блаженство! Вот ради чего я сюда пришла. Да, я ужасно изголодалась по человеческому теплу. Объятие Санты для меня — по сути, первый

физический контакт за последние месяцы. Мне большого труда стоит не вцепиться в него и не разрыдаться ему в бороду. Ужасно хочется остаться в его руках и слушать, как позвякивают бубенчики. Локи мгновенно рисует альтернативную реальность, в которой Санта удочеряет меня и перевозит на Северный полюс. Ну а дальше, как водится, «жили они долго и счастливо».

— Прощайте, дорогая моя, — говорит он, пока я нехотя поднимаюсь. Потом машет мне большой белой рукой. — И помните: Санта любит всех ребятшек — и мальчиков, и девочек. Счастливого вам Рождества!

Я бреду по коридору, украшенному гирляндами, на выходе забираю значок с Сантой и прохожу к эскалаторам. А когда наконец оказываюсь в реальном мире универсама, чувствую себя как после кислотного трипа. Не то чтобы у меня есть такой опыт — моя жизнь ужасно скучная. Останавливаюсь у стойки с рождественскими пижамами-комбинезонами и проверяю телефон.

Господи. Фотка вышла просто отвратная. Во-первых, через весь экран тянется паутина трещин, так что мы с Сантой выглядим как герои фильма ужасов, которых прокляла ведьма. Вернее, не совсем так: он-то по-прежнему идеален — теплый взгляд, безмятежный вид. Я же будто из психушки сбежала. Длинные волосы так спутались, что в это гнездо можно воробьев селить, один глаз открыт, а второй дремлет, а улыбка — просто немой крик о помощи. Такое фото не поставишь в рамку и не отправишь друзьям. Зато Санта мог бы предъявить его как

доказательство тяжести своей работы и потребовать у начальства прибавку.

Ну и ладно, думаю я, убирая телефон, и иду к выходу. Ни о чем не жалею. Мне правда нужно было это объятие. Нужен был заряд праздничной магии — потому что в этом году я совсем ее не чувствую. До дня икс осталось меньше недели, а я еще не посмотрела ни одного рождественского фильма, не купила ни одного подарка и не съела ни одного рождественского пирога. Вообще-то, я не ела их уже больше десяти лет. Американцы, конечно, изобрели лампочку и первыми высадились на Луне — но до пирожков с начинкой из фарша и фруктов пока не додумались. Я могла бы найти их в каком-нибудь магазине для британских эмигрантов, но тогда окажусь в помещении, забитом фасолью «Хайнц» и шоколадом «Кэдбери», и обязательно разрыдаюсь от тоски по дому. Из Британии я уехала еще подростком, но место, где проводишь первые, самые важные годы, почему-то навечно остается домом — сколько бы тяжелых воспоминаний с ним ни было связано.

Я жила в разных штатах, но несколько лет назад обосновалась в Нью-Йорке. Когда-то давно мы с мамой приехали сюда туристами, и я сразу влюбилась в этот город — в его романтику, в его энергию. Оказалось, что романтика и энергия ощущаются совсем иначе, когда в твоей жизни нет ничего кроме работы и каких-то стремных мужиков из приложений для знакомств. Ладно, они там не все стремные — есть еще скучные

и откровенно мутные, и ни одна категория мне не подходит. Или, может, это я никому не подхожу. Этот вывод напрашивается сам собой — после несчастливого брака, в который я вступила в двадцать с чем-то, и череды неудачных отношений.

Отчасти поэтому я и пошла к Санте. Пока я гуляла по праздничным улицам после очередного увлекательнейшего рабочего дня в строительной фирме, где я тружусь офис-менеджером, я вдруг поняла, что у меня совсем нет рождественского настроения. В душе — ни искорки праздника, ни капельки волшебства. Мне предстоит встречать Рождество в одиночестве, что уж тут радостного? У меня даже елки нет — зачем ее ставить, если любоваться ею кроме меня некому? В последнее время я всё делаю в одиночестве, и это радости не прибавляет. Я живу в одном из крупнейших городов мира — и чувствую себя невидимкой. Словно вот-вот исчезну даже из собственной жизни.

Я хочу с кем-то сблизиться. Хочу, чтобы у меня было кому выговориться, рассказать, как прошел день. Чтобы у меня появился союзник. Хочу, чтобы кто-то знал, какой кофе я люблю, дарил мне цветы и крепко обнимал по ночам. Слишком наглая рождественская мечта? Неужели тут даже Санта не справится?

Ранний вечер, за окном уже темно. Недавно был снегопад, но теперь под ногами хлюпает слякоть, на дорогах мокро, а с карнизов капает. Смотрю сквозь магазинные витрины на оживленную улицу. Парочки,

семьи, одиночки с пакетами — все куда-то спешат. У всех ужасно занятой и целеустремленный вид.

Вдруг понимаю, что совсем не хочу домой. Тем более что это не дом — так, одно название. Когда я только въезжала в эту квартиру, энтузиазма во мне было побольше. Теперь она кажется просто холодной и тесной — никакого уюта и теплоты. Впрочем, дело не в квартире. Дело во мне. Я совсем перестала следить за собой, а это, вообще-то, чертовски важно, когда ты одна! Я прекрасно это понимаю — но питаюсь исключительно полуфабрикатами, которые надо разогревать в микроволновке. Почему, спрашивается? Я ведь умею готовить! И даже люблю! Я прекрасный пекарь! Мне всегда нравилось возиться на кухне — месить, смешивать, взбивать. Так откуда тогда в морозилке эти картонные коробки, на которых впопыху бы сразу писать: «Ланч для лузеров» или «Унизительный ужин»?

И почему я так и не украсила квартиру? Хотя бы парой гирляндочек. Почему не купила себе новый телефон? Почему уже несколько месяцев не хожу на свидания?

Да потому что тону в бездне меланхолии, вот почему. Папа у меня такой же, и мне эта наша черта ужасно не нравится. Я живу по инерции и понемногу увядаю внутри. Такое чувство, будто я уже сама на себе крест поставила.

Надо это прекращать. Нельзя ставить собственную жизнь на паузу. Я вспоминаю слова Санты — моего нового личного коуча. Я заслуживаю счастья. Он прав.

Раскисать и жалеть себя — так себе стратегия. Надо думать позитивнее. Всё можно изменить. Не обязательно до конца своих дней жить под гнетом провалов и одиночества. Рождество всегда обнажает то, чего нам не хватает, — весь мир так и кричит нам об этом, да еще пальцем тычет! Это праздник детей, семьи, любви. Тем, кто этого лишен, приходится несладко.

Но, может, сегодня что-то изменилось. Я ведь повстречалась с Сантой — с самым настоящим Сантой, в этом нет никаких сомнений. Может, теперь мои желания исполнятся. Может, я выйду сейчас на улицу — и столкнусь с мужчиной своей мечты, и это будет неожиданно и романтично, как в кино. Вот прямо здесь, у «Мейсис». И когда-нибудь мы расскажем эту историю нашим детям.

Воодушевленная, я протискиваюсь сквозь толпу и встаю на тротуар. Или, как чаще говорят у нас на родине, на бордюр. Делаю глубокий вдох. Оглядываюсь. Шепчу короткую молитву, задрав голову к звездному небу. Скрещиваю пальцы — и жду волшебства.

Уверена, мимо вот-вот пронесется лимузин какого-нибудь умопомрачительно красивого миллиардера — и окатит меня водой из лужи. Миллиардер выйдет извиниться. Наши взгляды встретятся. Позвольте пригласить вас на ужин, скажет он, вам же надо обсохнуть, и вечер мы проведем за искрометной беседой и безудержным флиртом — а когда подадут десерт, оба поймем, что влюблены. Красота!

А может, в меня врежется велосипедист, я упаду и ударюсь головой. Меня повезут в больницу, а он поспешит следом. Из недолгой комы я выйду с идеальной укладкой, безупречным макияжем и белоснежными зубами. Умопомрачительно красивый велосипедист будет сидеть рядом, держать меня за руку и смотреть мне в глаза. Кроме того, вскоре окажется, что он миллиардер под прикрытием. И мы влюбимся друг в друга быстрее, чем успеем произнести «перелом основания черепа».

Замечаю на углу музыканта. Может, он — бывший участник группы, которая когда-то гремела в чартах, а теперь вот выступает на улицах, чтобы заново найти себя? Брошу доллар ему в гитарный чехол — он подмигнет, и мое сердце дрогнет. Я его узнаю, стану его музой, и он напишет еще кучу великих песен о любви ко мне. Наверняка и он окажется умопомрачительно красивым. Миллиардером.

Решаю помочь волшебству и подхожу к музыканту. Бросаю ему доллар, стараясь не морщиться, — он перевирает «Blue Christmas»* Элвиса так, что бедняга, наверное, сейчас в гробу вертится. Музыкант поднимает голову, шапка Санты съезжает куда-то на нос, и я вдруг с ужасом понимаю, что ему лет сто. Или даже тысяча. Он подмигивает мне — и рыгает. Долго, обстоятельно, секунд пять. Я чуть не теряю сознание от запаха виски и быстро отступаю. Ладно. Этот вариант отпадает.

* «Грустное Рождество» (англ.). — Здесь и далее прим. перев.

Пока я ретируюсь, мимо — буквально в сантиметре от меня — со свистом проносится велосипедист. Судя по форме, курьер. Меня обдает волной воздуха. Курьер торопливо выкручивает руль, чтобы уйти от столкновения.

— На дорогу смотри, идиотка! — орет он, показывая мне средний палец, и скрывается в темноте.

Не успеваю я прийти в себя после этого, можно сказать, покушения, как мимо проносится огромный черный внедорожник с тонированными стеклами. Из-под колес взлетают грязные брызги и окатывают меня с головы до ног. Машина даже не притормаживает. Я стою — мокрая, дрожащая — и гадаю: куда подевались все обходительные миллиардеры? Так уж и быть, умопомрачительную красоту вынесем за скобки, готова довольствоваться банальной вежливостью.

Женщина, видевшая, что тут произошло, с сочувственным видом подходит ко мне.

— Сколько же на свете идиотов, — уверенно заключает она. — Вы в порядке?

— Да, — отвечаю я, выжимая волосы. — Спасибо. Хотя, может, идиотов на свете не так уж и много, просто я их всех притягиваю.

Женщина достает из сумки пачку салфеток и отдает мне. Я вытираю лицо и улыбаюсь ей. Ну наконец-то. Воспитанный человек! Красота тоже при ней. А может, и миллиарды. Как знать, может, все эти годы я играла не за ту команду?

— Выпьем кофе? — предлагаю я — и сама себе удивляюсь. Как-то само собой вырвалось, я даже обдумать ничего не успела.

Она растерянно качает головой.

— Нет, извините, у меня встреча. Салфетки можете оставить себе. С Рождеством!

И убегает. Что ж, я ее не виню. Уже по селфи с Сантой было понятно, что я сейчас выгляжу не лучшим образом, — а теперь еще грязь из лужи добавилась. Она наверняка расскажет подругам про странную тетку со значком Санты на груди, которая приставала к ней у «Мейсис».

— Да не приставала я к вам! — кричу я ей вслед. — Просто мне одиноко!

Она оглядывается. Несколько прохожих тоже смотрят на меня. Но это Нью-Йорк — никто особо не удивляется. Я пожимаю плечами и бреду дальше.

Внутри вдруг просыпается странная решимость. Пусть я выгляжу как сумасшедшая. Пусть мне грустно и жаль себя. Но рождественское волшебство я в этом году найду — или хотя бы попытаюсь. Я не плохой человек. Я не пинаю щенков, не ворую и никому не порчу жизнь. Я спасаю пауков из ванны, помогаю деньгами ребенку из Бангладеш и всегда захожу проведать пожилую соседку — миссис Баумгартен. До святости мне, конечно, далеко, но и в список злодеев меня заносить рано. Слышишь, мироздание?

Да, понимаю, Вселенная живет по другим законам, и это уже не на шутку бесит. Пробираясь сквозь толпу —

мимо подтаявших сугробов и ярко украшенных витрин, — я чувствую, как злость внутри нарастает. А потом она вдруг превращается в силу. И вот я уже готова решать сама за себя. Действовать, а не плыть по течению — впервые за несколько месяцев. Я принимаю рождественское чудо.

Останавливаюсь у какого-то магазина и даю себе несколько мотивирующих установок. Вслух — и плотная толпа прохожих рядом мгновенно рассеивается.

— Я заслуживаю счастья, — говорю я твердо. Пусть Вселенная знает, что я не шучу! — Я заслуживаю любви. Я заслуживаю нового телефона и хорошей стрижки. Заслуживаю испечь себе самый восхитительный рождественский пирог на свете. Обещаю тебе, Санта: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы эти желания сбылись.

И отправляюсь за покупками — надо же с чего-то начинать.

2

Год спустя

Тайлер поднимает бокал, мы чокаемся — шампанское плещется через край, и нам обоим становится смешно.

— За нас! — говорит Тайлер и улыбается. Его глаза весело поблескивают за стеклами очков. — И за нашу полугодовщину!

— Разве есть такое слово? — спрашиваю я — тоже с улыбкой.

У Тайлера густые темные волосы, и, хотя очки придают ему слегка ботанский вид, ботан из него очень и очень симпатичный. Он много занимается спортом и чем-то напоминает Кларка Кента. При одной мысли об этом я невольно задумываюсь, как бы он смотрелся в костюме Супермена...

— Конечно, — отвечает он с обиженным видом. — Вот, у меня есть доказательства!

Тайлер достает из сумки конверт и протягивает мне. Я сразу догадываюсь, что это открытка, и мне тут же становится совестно — я-то никакого подарка не приготовила. Вскрываю конверт. Да, точно, открытка. С подписью «С полугодовщиной». Что ж,

всё официально — кажется, такое слово действительно есть.

— Прости, — говорю я, виновато глядя в его голубые глаза. — Девушки хуже, чем я, не найти.

Он тянется ко мне и нежно гладит по щеке. Я прижимаюсь к его ладони. Не будь мы в ресторане, я бы, пожалуй, замурлыкала.

— Не наговаривай на себя. Уверен, ты придумаешь, как загладить вину. Попозже.

Подмигивает. Пытается флиртовать, но выходит как-то комично. Когда мы только познакомились, меня терзали сомнения. Тайлер был хорош собой, его манеры подкупали, но пока я не узнала его получше, мне казалось, что он высмеивает всё на свете. Хорошее чувство юмора — это плюс, спору нет. Но он был готов шутить даже над такими серьезными темами, как рак, с которым боролась его мама, или испытания, которые претерпел его дед во Франции, когда участвовал во Второй мировой.

Теперь я знаю: этот юмор — что-то вроде нервного тика. Тайлеру часто бывает не по себе в компании, и он с детства привык спасаться шутками. Отголоски этой привычки просачиваются во все его проявления — я научилась их считывать.

— Ну, постараюсь, — говорю я и медленно провожу ступней по его ноге под столом, с удовольствием наблюдая, как у Тайлера удивленно вытягивается лицо. — Полугодовщина — это серьезно. Все это знают. Такое надо отметить.

Он наклоняется и целует меня — легко, едва касаясь губ, — и я снова думаю, как же мне повезло. Мир онлайн-знакомств — та еще рулетка, но в Нью-Йорке всё совсем печально. Мне потребовалась немалая смелость, чтобы не поставить крест на всей этой затее. Знали бы вы, сколько лягушек я перецеловала, пока не встретила своего принца! Если честно, я уже подумывала удалить с концами все приложения для знакомств, когда вдруг пришло сообщение от Тайлера. Он оказался не просто «симпатичным ботаном», но и хозяином трех собак! Если точнее, трех рыженьких лабрадоров. Они-то и склонили чашу весов на сторону Тайлера. Я решила еще разок испытать судьбу.

Мы вместе уже полгода, но я совру, если скажу, что без остатка отдаюсь этим отношениям. Пускай в прошлое Рождество я и дала себе слово открыться любви, во мне остался некоторый скепсис — и, возможно, страх. Уроки, усвоенные в молодости, так просто не забываются — они врастают в тебя, становятся частью эмоциональной ДНК.

Мои родители расстались, когда мне было шестнадцать. Развод был Грязным — с большой буквы Г. До сих пор не знаю, что именно случилось, но мама с папой в одночасье перешли от привычной размеренной жизни к ожесточенной войне.

Начался ужасный период, полный криков и скандалов. Помню, как лежала у себя в комнате и слушала, как внизу бьется посуда. Моя мама, обычно такая спокойная,

превращалась в мегеру. Папа не оставался в долгу. Это было чудовищное, травматичное время, и что-то во мне тогда сломалось.

Эта война растянулась на месяцы, а я оказалась меж двух огней — растерянная, раздавленная. Родители держали гостиницу в Корнуолле, где я и выросла. Может, из-за нее они так долго не расходились. Или из-за меня. Кто знает. А потом мама познакомилась с Итаном — кардиологом, который остановился в этой самой гостинице, — и вышла за него замуж. Меня с криками и слезами увезли из родного дома, от отца, от подруг в Штаты, где я стала изгоем. Хуже испытания для девочки-подростка не придумаешь.

Мой бывший муж — человек, за которого я вышла в двадцать четыре только потому, что он позвал, — говорил, что я «эмоционально недоступна». Подозреваю, что он был прав. Наверное, мне давно пора к психотерапевту, но моя британская душа бунтует против этой затеи.

Хотя Тайлер, сидящий напротив во всем своем великолепии, вполне мог бы меня переубедить. Разве он не заслуживает более цельного, более здорового партнера, чем я? Да и разве я сама не заслуживаю стать такой?

Нет, это слишком сложный вопрос для такого приятного вечера. Пока оставим.

— Знаешь, — говорю я, — сперва я думала, что те фотографии с пёселями — фотошоп. Ну сам посуди —

как такой красавчик, да еще с такими чудесными лабрадорами, может быть холостым?

— Понимаю, — отвечает он и серьезно кивает. — Трудно в это поверить. Наверное, виноваты очки. Или моя скучная работа. А может... ну... мой характер?

— Очень может быть. Ты и впрямь невыносимый. Тебе еще повезло, что я дала тебе шанс.

— Повезло, не спорю. Но мы оба знаем: тебя заинтересовал не я. А мои песики! Пусть это и звучит немного двусмысленно!

Я смеюсь и отпиваю шампанское. Полгода с Тайлером и его щенками. Забавный факт: он долго не знакомил меня со своими собаками — подпустил к ним лишь после нескольких свиданий. Они для него как дети, и надо было сначала убедиться, что я достойна места в ближнем круге. Впрочем, ожидание того стоило.

После того судьбоносного похода к Санте я выполнила свое обещание и решила на серьезные перемены. Ушла с работы, записалась в агентство временного персонала и сократила рабочую неделю до четырех дней. По пятницам и в выходные теперь пеку — и люди даже за это платят. Пока что это просто подработка, но кто знает, что будет дальше?

Еще я постриглась. Купила новый телефон. Уютнее обставила квартиру, чтобы она больше напоминала дом. От «дел сердечных» тоже не отлыниваю — как могу, стараюсь открыться Тайлеру. Он мне очень нравится, но заветное слово на букву Л я так пока ни разу

и не произнесла. Какой-то внутренний эмоциональный блок не дает мне этого сделать. Но я работаю над собой и всегда честно рассказывала Тайлеру о своих трудностях. И никогда не обещала того, чего не смогу дать.

Я знаю, что он хочет большего, но терпеливо молчит, и понимаю: вечно так продолжаться не может. Жизнь научила меня не допускать того, чтобы все мое счастье зависело от мужчины, даже если он лучший из лучших. Это и по отношению к нему не совсем справедливо, если разобраться. Мне не раз изменяли, и хотя те раны давно затянулись, рубцы никуда не делись — разве что спрятались куда-то под кожу.

— О чем задумалась? — спрашивает Тайлер.

Я отгоняю докучливые мысли и решаю солгать во спасение. Честный ответ — «Размышляю, способна ли я вообще на нормальные отношения» — немного подпортил бы нам вечер.

— Да вот, гадаю, — говорю я, — согласился бы ты нарядиться Суперменом?

— Зависит от обстоятельств. Вот завтра у меня встреча с гендиром и налоговым инспектором — к ней этот костюм подойдет идеально. Ты же на это и намекала?

Он снова подмигивает — ну что за дурацкая привычка! — и я опять смеюсь.

— Да. Именно такую ситуацию я и имела в виду... при условии, что костюм останется на потом. Дождется нашего свидания.

Он поднимает брови.

— Как скажешь, Лоис*.

Не успеваю я предаться мечтаниям, как раздаётся трель телефона. Смотрю на экран — папа. Вот это да. Мы очень редко созваниваемся, и я сразу чувствую укол тревоги. Она только усиливается, когда я вспоминаю, что у него уже глубокая ночь. Одними губами говорю Супермену «прости» и выхожу на улицу, где потише.

— Пап? Всё хорошо? — спрашиваю я в трубку.

— Здравствуй, дорогуша! — отвечает он, и тысяч миль между нами словно бы и не бывало. — Надеюсь, жизнь к тебе добра?

В редких случаях, когда он пишет мне сообщения, разговор всегда начинается одинаково. Иногда он называет меня «дорогушей», иногда придумывает какое-нибудь новое ласковое прозвище — но далее следует неизменный вопрос: добра ли ко мне жизнь. Папе всего семьдесят пять — по нынешним меркам не такой уж и старческий возраст, — но он очень консервативен. И, кажется, гордится этим: тем, что держится за прежний уклад, хранит заветы времен, которые, несомненно, считает лучшими.

Я хмурюсь. Его вопрос сбил меня с толку.

— Ну... да, всё нормально, пап. У тебя что-то случилось?

— Да нет, просто хотел услышать твой голос, дорогуша! Мы слишком давно не разговаривали по душам.

* Имеется в виду Лоис Лейн, возлюбленная Супермена из одноименных фильмов и комиксов.

Отцу захотелось поболтать с единственным ребенком, что в этом плохого?

Странный вопрос — потому что «разговоров по душам» у нас, если честно, отродясь не было. Часами висеть на телефоне, обмениваться скучными подробностями жизни — всё это просто не про нас. У нас совсем другие отношения. Я знаю, что папа меня любит, и тоже его очень люблю, но мы не особо близки.

Когда мама познакомилась с Итаном и собралась везти меня в Штаты, я умоляла папу разрешить мне остаться. Он грустно покачал головой и сказал, что «так будет лучше». Помню, как я тогда рассердилась — никто ведь не спрашивал, чего хочу я. Мне было обидно, что он за меня не борется. Мы это так и не обсудили — к моему отцу нужен другой подход. Вживую мы не виделись больше десяти лет и не то чтобы рассорились за это время, но традиции звонить друг другу «просто поболтать» у нас так и не возникло.

— Нет, пап, тут нет ничего плохого, просто это непривычно. Ты точно в порядке? Где ты сейчас?

— Да на своем привычном месте, дорогая, в кабинете. За окном темно, но бухта залита лунным светом. Слышно крики сов. И плеск волн. Прекрасный вечер. А ты как?

Папин кабинет находится на верхнем этаже гостиницы, в здании, построенном еще в восемнадцатом веке. Днем из этой крохотной комнаты открывается вид на песчаную бухту и Атлантический океан. Он то искрится ослепительной синей мозаикой, то пенится

белой каемкой у берега — в зависимости от времени года. Шум волн, которые то набегают на берег, то отступают, то с ревом разбиваются о скалы, тесно связан в моей памяти с детством. Корнуолл — один из красивейших уголков Англии и мое драгоценное прошлое. Место, усеянное счастливыми и болезненными воспоминаниями, пропитанное магией юности.

— Я на Манхэттене, — отвечаю я, оглядываясь на оживленные улицы, шумные бары, дороги, забитые машинами. — С Сент-Тильдой не сравнить, конечно. Сов не слышно, хотя в Центральном парке они наверняка есть. И лисы тоже. Ты точно в порядке?

— Конечно! Я уже иду спать, Элеонор, просто захотел услышать твой голос. Никак не могу привыкнуть к твоему американскому акценту!

— Да нет у меня никакого акцента, — возражаю я с улыбкой. — Все здесь сразу слышат, что я британка. Но вот в мой последний приезд в Англию все почему-то думали, что я американка.

— Ну разве не чудесно — выходит, ты всем своя!

Скорее, чужая, думаю я. Так подсказывает горький опыт. Я никогда не чувствовала себя «своей» — и только недавно перестала из-за этого переживать.

— Как работа? — спрашиваю я. — Много сейчас гостей?

— О, полный дом. Пора бы уже и о пенсии задуматься. А что! Съезжу Новый Свет посмотреть, а заодно и тебя навещу, мой ангел!

— Было бы здорово, — говорю я, хотя тревога во мне только крепнет. Папа ни разу ко мне не прилетал, а в мои редкие приезды в Англию мы всегда встречались в Лондоне. Он никогда особенно не стремился к воссоединению, и я привыкла объяснять это тем, что ему слишком больно от этих коротких встреч, от осознания, что он меня потерял. А может, я всё усложняю и папа, как он сам всегда говорит, просто не любит путешествовать. — Я бы показала тебе город. Познакомила со своими друзьями.

Что-то не так. Мне вдруг страшно хочется, чтобы он приехал. Или даже самой вернуться в Сент-Тильду. И снова быть с ним рядом.

— Есть кто-нибудь особенный на примете? — спрашивает он как бы между прочим. Маме про Тайлера я рассказала, а папе — нет. Почему? Когда мы вообще последний раз говорили о чем-то кроме погоды и работы?

— Может быть, — отвечаю я с ноткой кокетства. — Меня, собственно, прямо сейчас ждет не дождется один красавчик.

— Вот как. Ну и чудесно. Ты же у нас завидная невеста. Скажи, дорогуша, ты с ним счастлива? Планы на будущее есть?

— Счастлива, да, пап. Насчет будущего... кто ж его знает? Посмотрим, как все сложится.

Я опять ухожу от ответа. Такое я и с Тайлером часто проворачиваю. Мы встречаемся уже полгода. Он уже

давно сыплет намеками, подчеркивает, сколько времени мы проводим вместе, какой большой у него дом в Нью-Джерси, как я люблю его собак. Подозреваю, он хочет, чтобы мы съехались. Пока не знаю, что я сама об этом думаю. Готова ли перевернуть свою жизнь, отказаться от квартиры, переехать в другой штат? Наверное, нет, раз задаю себе такие вопросы, поэтому делаю вид, что в упор не замечаю намеков Тайлера, и живу одним днем. Но понимаю, что мой парень и впрямь *особенный* — так что папа попал в точку своим вопросом. Да. Это точно про Тайлера.

— Это верно, мой ангел, это верно. Ну что ж, Элеонор, спокойной ночи. Ты ведь знаешь, что я тебя люблю? Увы, я редко тебе это говорил — всему виной природная сдержанность.

Черт. Что-то случилось — теперь я в этом не сомневаюсь. Мой папа — выходец из старинного английского рода, который, к сожалению, за столетия успел обнищать. Он вырос в родовом поместье, которое веками принадлежало де Верам, — правда, у некогда богатого дома понемногу осыпалась крыша, а почти все земли давно распродали. Родословная у семьи была завидная, чего не скажешь о финансовом положении — вот почему он в итоге стал хозяином гостиницы, а не распорядителем загородного поместья или устроителем охоты на фазанов, как его отец или дед. Многие из клана де Вернискали такую известность, что их некрологи печатались в национальных газетах. Но когда родился мой

папа Питер, о былом величии напоминали лишь три детали: акцент, манера держаться и несметное количество одежды из твида.

Дом в итоге передали благотворительному фонду по охране наследия, и папа стал первым де Вером, которому пришлось самому зарабатывать себе на жизнь. Происхождение, впрочем, давало свои преимущества: бархатный оксфордский выговор, искорки в глазах, лукавая улыбка — все это было ему на руку. Аристократическое детство также наградило его изысканным вкусом — и неспособностью говорить о чувствах. Вот почему этот разговор так меня пугает.

— Знаю, папа. Я тебя тоже люблю, — говорю я и готовлюсь расспросить его обстоятельнее, как идут дела, но тут папа вешает трубку. Я замираю, уставившись в телефон. Тревога тяжким грузом ложится на плечи. Пусть он раз десять мне повторил, что всё в порядке, я чувствую: что-то не так. Пора звать тяжелую артиллерию.

Машу Тайлеру в окно — мол, я тут, никуда не сбегала, — и он вытягивает руки вперед, сжав один кулак, совсем как Супермен в полете. Когда мама берет трубку, я еще посмеиваюсь. Они с Итаном несколько лет назад вышли на пенсию, перебрались во Флориду и теперь ведут такую активную социальную жизнь, что двадцатилеткам впору завидовать.

— У папы всё хорошо? — спрашиваю я без предисловий.

— Боже мой, Элли, солнце мое ненаглядное, кровиночка моя, как же приятно тебя слышать! У меня, кстати, всё чудесно — спасибо, что спросила!

— Прости! Тут просто такое дело... он сам мне позвонил.

Пауза. Выдох.

— Сам? Совсем на него не похоже.

— Вот именно! И голос у него был... какой-то подзрительный. Трудно объяснить, но что-то меня насторожило. Я беспокоюсь.

— Ладно, я разберусь, — успокаивающим тоном говорит она, мгновенно врубив режим супермамы. — Уверена, переживать не о чем, но я подам сигнал своим сент-тильдским шпионам, хорошо? Там уже глубокая ночь, так что ответ придет не сразу, но кто-нибудь точно еще не спит. Самой ему звонить нет смысла: он мне лапши на уши навешает, насочиняет сказок, как у него всё прекрасно. Если бы он оказался на «Титанике», то до последнего бы отплясывал танго в бальном зале, и плевать, что корабль идет ко дну. Такой уж он человек. Так что займись пока своими делами и не накручивай себя.

— Ты со мной вообще знакома? — спрашиваю я с деланой беззаботностью. Шутки шутками, а я и впрямь умею из мухи сделать слона. Когда-то я была пробивной девчонкой, подростком, который совсем ничего не боялся, — но это было давно, еще в другой жизни. На «Титанике» я бы точно не танцевала. А заранее обосновалась бы в спасательной шлюпке — так, на всякий

случай. Между прочим, это было бы очень предусмотрено.

Мы прощаемся, и я возвращаюсь к Тайлеру.

— Всё в порядке? — спрашивает он, с тревогой взглянув на меня.

— Надеюсь, — отвечаю я, отпивая коктейль. — Сперва позвонил папа, потом я созвонилась с мамой, и теперь она зовет на помощь своих шпионов.

Тайлер смотрит на меня с искренним недоумением — что вполне понятно.

— Ты же знаешь, что мои родители развелись, когда я была подростком? И что в шестнадцать я переехала в Америку? — уточняю я.

— Знаю. — Он улыбается. — Как же мне нравится твой милый британский акцент! Скажи еще что-нибудь! Ну пожалуйста!

Этот умоляющий тон обезоруживает.

— Ладно, раз так просишь. Обержи-и-ин!*

Тайлер хлопает в ладоши, как ребенок.

— Я тебя обожаю. В твоих устах даже слово «баклажан» звучит сексуально. Так что стряслось с твоим папой?

— Надеюсь, ничего страшного. Он вообще никогда не звонит, понимаешь? Чаще всего пишет на электронную почту. Изредка присылает СМС, а порой — бумажные письма. Но не звонит. А тут вдруг позвонил,

* В Великобритании баклажан часто называют aubergine, а в США — eggplant.

сказал, что хотел услышать мой голос, а в конце признался, что любит меня.

— Ну... многие отцы так делают. Разве нет?

— Справедливо. Вот только это не про него. И настроение у нашего разговора было какое-то странное. Будто вот-вот произойдет конец света. А может, он просто выпил бутылку портвейна и впал в меланхолию. Этого тоже нельзя исключать. Если честно, язык у него немного заплетался.

— Меланхолия. Портвейн. Прямо сплошная готика! Уверен, с ним всё в порядке, солнышко. По крайней мере, он в состоянии звонить по телефону — это хороший знак, разве нет?

Тайлер ободрающе сжимает мою ладонь. Я на секунду теряюсь в его глазах — и мысли сами собой возвращаются к моему Супермену.

— Расскажи мне об отце, — просит Тайлер. — О своем детстве. Ты ведь почти не вспоминаешь этот период.

Я делаю большой глоток шампанского. Черт, едва не поперхнулась. Тайлер приподнимает бровь.

— Всё настолько плохо?

— Нет. Не совсем. Если честно, поначалу все было замечательно. Корнуолл — замечательное место. Дивный уголок прямо на берегу океана и такой самобытный: там свой климат, своя история, даже свой флаг. А еще там ужасно красиво, Тайлер. Честное слово. Детство у меня было почти что идиллическое — до известного времени.

— Тебе не было одиноко без братьев и сестер?

Смутно припоминаю, что такое было — но совсем в раннем детстве. А потом в Сент-Тильду приехала семья Лиам Бирна — из самой Ирландии, что мне показалось невероятно экзотичным. Мистер Бирн перебрался туда из-за работы и привез с собой целую ораву детей и жену — неукротимую, как стихийное бедствие. Лиам стал моим лучшим другом, а его родственники — моей второй семьей. Чувствую знакомый укол где-то глубоко внутри — и обрываю эту цепочку мыслей, пока она меня не задушила. Вспоминать о Лиаме, о тех временах — невыносимо больно, поэтому я давно научилась отключать эти мысли. Если они вдруг приходят на ум — я сразу их прогоняю. Слишком уж тяжело. Слишком тесна связь с разводом родителей, с моим вынужденным отъездом. Этот клубок так просто не распутать.

— Не то чтобы, — коротко отвечаю я. — У меня же были друзья. Мы напоминали стаю бродячих собак, особенно когда немного повзрослели. Носились по пляжам и бухтам, творили всякие глупости, крали выпивку из гостиницы, притворялись, что нам нравится курить, хотя на самом деле нас всех воротило от сигарет... Последние годы в Англии были просто волшебными. Утром я помогала родителям подавать завтрак в гостинице, а потом весь день была предоставлена самой себе. Корнуолл был для меня чем-то наподобие огромной площадки для игр. Мы жгли костры, купались в океане, устраивали пикники